

М. Н. Кулаковский

Одоративная лексика в лирике Анны Ахматовой

В статье рассматриваются основные особенности использования одоративной лексики в лирике А. Ахматовой, определяются ее наиболее характерные функции и роль в общей структуре художественного текста.

Ключевые слова: одоративная лексика, лексико-семантическая группа, номинация запаха, пространственно-временной план, художественный текст, А. Ахматова.

M. N. Kulakovsky

Odour Lexicon in Anna Akhmatova's Lyrics

In the article the basic features of use of odour lexicon in A. Akhmatova's lyrics, are determined her most typical functions and the role in the general structure of the art text.

Keywords: odour lexicon, a lexico-semantic group, a nomination of odour, an existential plan, an art text, A. Akhmatova.

Лексика, передающая запахи, в последнее время все больше привлекает внимание исследователей. Несмотря на незначительное присутствие лексем данного семантического поля в художественном тексте, роль их нельзя недооценивать. И в первую очередь это касается лирических произведений, где насыщенность и многогранность деталей наиболее заметна. Использование одоративной лексики позволяет не только создать самостоятельный микрообраз, но и осуществить взаимодействие различных информативных планов, подключив к традиционному зрительному восприятию определенные обонятельные характеристики.

В лирике А. Ахматовой мелкая деталь очень часто становится значимой, наполненной чувствами и переживаниями. При этом воздействие на обоняние выступает одним из способов передачи не только внешнего окружения, но и внутреннего мира лирического героя.

Традиционно активно в стихотворениях Ахматовой используется лексика, передающая запахи цветов. Данные лексемы обычно содержат оценочный компонент и характеризуют запах как приятный: *Сквозь стекло лучи дневные / Известь белых стен пестрят... / Свежих лилий аромат / И слова твои простые* («Тот же голос, тот же взгляд...»). Следует отметить, что в информативном плане развертывание текста строится от зрительного образа к обонянию и слуховому восприятию.

Типичной является передача запаха через вкусовые характеристики («сладкий», «пряный»): *От роз струится запах сладкий, / Трещит лампадка, чуть горя. / Пестро расписаны укладки / Рукой любовной кустаря* («Протертый коврик под иконой...»).

Распространение запаха может актуализироваться с помощью метафоры (глагола, как в предыдущем примере, или отглагольного существительного): *О, как пряно дыханье гвоздики, / Мне когда-то приснившейся там, – / Это кружатся Эвридики, / Бык Европу везет по волнам* («Я над ними склонюсь, как над чашей...»).

В рамках метафоры могут соединяться обонятельная и осязательная характеристики: *А на закат наложен / Был белый траур черемух, / Что осыпался мелким, / Душистым, сухим дождем ...* (Из цикла «Юность»).

Сравнительная степень прилагательного используется для подчеркивания усиления оценочной характеристики или интенсивности запаха: *Персик зацвел, а фиалок дым / Все благовонней* («Третью весну встречаю вдали ...»); *Весенним солнцем это утро пьяно, / И на террасе запах роз слышней* («Весенним солнцем это утро пьяно...»).

Запах сухих цветов обычно передается через осязательную характеристику: *Сухо пахнут им-мортели / В разметавшейся косе. / На стволе корявой ели / Муравьиное шоссе* («Жарко веет ветер душный...»).

Следует отметить, что запах цветов у Ахматовой может быть ассоциативно связан с определенным топонимом: *В ту ночь мы сошли друг от друга с ума, / Светила нам только зловещая тьма, / Свое бормотали арыки, / И Азией пахли гвоздики* (Из цикла «Ташкентские страницы»).

В этом случае мотивированность образа получает обратную направленность. Кроме того, подобное развертывание образа может сопровождаться и связанной с данным географическим названием температурной характеристикой: *Вечерние часы перед столом. / Непоправимо белая страница. / Мимоза пахнет Ниццей и теплом. / В луче луны летит большая птица* («Вечерние часы перед столом...»).

Запах цветов может сочетаться с другими. При этом в одних случаях такое сочетание представляется гармоничным, а в других – подчеркивается контраст запахов: *Цветов и неживых вещей / Приятен запах в этом доме* («Цветов и неживых вещей...»); *Бензина запах и сирени, / Насторожившийся покой...* (Прогулка).

Значимость запаха для раскрытия внутреннего мира лирического героя может актуализироваться постановкой его в один ряд с прямой номинацией чувств: *Я лилий нарвала прекрасных и душистых, / Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой, / С их лепестков, дрожащих и росистых, / Пила я аромат и счастье и покой* (Лилии).

Достаточно обширна лексико-семантическая группа, передающая запахи растений. С традиционным «благоуханием» связан образ сада, который контрастирует с предшествующим метафорическим образом с подчеркнутой звуковой доминантой: *Где танк гремел – там нынче мирный трактор, / Где был пожар – благоухает сад...* («Прошло пять лет – и залечила раны...»).

В других случаях информативное развитие образа может иметь обратную направленность. При этом обонятельный образ трансформируется в звуковой и графический: *Шиповник так благоухал, / Что даже превратился в слово, / И встретит я была готова / Моей судьбы девятый вал* («По той дороге, где Донской...»).

Определенную качественную трансформацию создает и использующийся при характеристике запаха сравнительный оборот (при этом принципиально изменяется оценочная составляющая запаха): *И крапива запахла, как розы, но только сильнее* («Небывалая осень построила купол высокий...»).

Традиционной вкусовой характеристикой «сладкий» определяется в лирике Ахматовой запах можжевельника и лип. Причем в начале текста может актуализироваться деталь, раскрывающая причину распространения запаха, его проникновения извне: *Дверь полуоткрыта, / Ветют липы сладко... / На столе забыты / Хлыстик и перчатка* («Дверь полуоткрыта...»).

Запах может быть связан с определенной температурной характеристикой (чаще он характеризуется как «теплый»): *Страшно мне от звонких воплей / Голоса беды, / Все сильнее запах теплый / Мертвой лебеды* (Песенка).

В основе характеристики запаха могут лежать и другие тактильные ощущения, в частности – влажность: *Замечаю все как новое. / Влажно пахнут тополя. / Я молчу. Молчу, готовая / Снова стать тобой, земля* («Я пришла сюда, бездельница...»).

Метафорическое использование лексем, связанных с весом («легкий» – «тяжелый»), позволяет не только передать интенсивность запаха, но и отразить его воздействие на субъекта: *Здесь горных трав легко благоуханье...* («Здесь Пушкина изгнание началось...»).

Следует отметить, что достаточно часто формальным поводом для актуализации обонятельной детали является изменение силы запаха (обычно – его усиление): *Каждый день по-новому тревожен, / Все сильнее запах спелой ржи. / Если ты к ногам моим положен, / Ласковый, лежи* («Каждый день по-новому тревожен»).

Обонятельная характеристика может служить точкой взаимодействия различных временных планов, поводом для сравнения прошлого и настоящего: *Был светел ты, взятый ею / И пивший ее отравы. / Ведь звезды были крупнее, / Ведь пахли иначе травы, / Осенние травы* («Любовь покоряет обманно...»).

В некоторых случаях лексема со значением запаха может характеризовать абстрактное понятие, связанное со звуковым образом: *В душистой тиши между царственных лип / Мне мачт корабельных мерещится скрип* (Летний сад).

В гораздо меньшей степени представлены запахи, связанные с человеком. При этом они часто встраиваются в общую многоаспектную систему образа, отражающую различные чувственные ощущения: *Луна освещает карнизы, / Блуждает по гребням реки... / Холодные руки маркизы / Так ароматны-легки* (Маскарад в парке).

Прямая номинация запахов человека практически не представлена. Обонятельная характери-

стика может передаваться через сравнение (например, с запахом цветов): *Ты пахнешь, как пахнет сирень* («Я пришла тебя сменить, сестра...»).

В других случаях встречаются запахи, связанные с определенными действиями лирического героя или известными ситуациями: *А сердцу стало страшно биться, / Такая в нем теперь тоска... / И в косах спутанных таится / Чуть слышный запах табака* («Протертый коврик под иконой...»).

Гораздо чаще при описании человека используются лексемы, отражающие запахи духов: *«...Сумеет под кружевом маски / Лукавая смех заглушить, / Велела мне даже подвязки / Сегодня она надушить»* («Как поздно! Устала, зеваю...»).

При этом обычно подобный запах связан не с человеком непосредственно, а с предметом, которым он пользуется (в некоторых случаях такой образ может иметь и символическое значение): *Или стану просить у знахарок / В наговорной воде корешок / И пришлю тебе страшный подарок – / Мой заветный душистый платок* («А, ты думал – я тоже такая...»).

Запах человека может наполнять помещение, а также служить знаком переключения временно-го плана, вызывая определенные воспоминания лирического героя: *И в памяти черной пошарив, найдешь / До самого локтя перчатки, / И ночь Петербурга. И в сумраке лож / Тот запах и душистый и сладкий* («И в памяти черной пошарив, найдешь...»).

Незначительно представлены запахи пищи, в частности – сладкий запах винограда и запах хлеба, включенный в информативный ряд «конкретный предмет – запах – чувство»: *Журавль у ветхого колодца, / Над ним, как кипень, облака, / В полях скрипучие воротца, / И запах хлеба, и тоска* («Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»).

Кроме того, запах хлеба (в его сравнении с полынью) может приобретать в тексте стихотворения символическое значение: *Но вечно жалок мне изгнанник, / Как заключенный, как больной. / Темна твоя дорога, странник, / Полынью пахнет хлеб чужой* («Не с теми я, кто бросил землю...»).

При номинации запаха устриц наблюдается синкретизм вкусовых и обонятельных характеристик (например, лексема «остро» актуализирует значения «резкий» и «с большим количеством соли, специй»): *Звенела музыка в саду / Таким невыносимым горем. / Свежо и остро пахли морем / На блюде устрицы во льду* (Вечером).

Запах кофе актуализирован с помощью контраста лексем «пахучий» («обладающий сильным запахом») и «тонкий» («изысканный, утонченный»): *Да, я любила их, те сборища ночные, – / На маленьком столе стаканы ледяные, / Над черным кофеом пахучий, тонкий пар, / Камина красного тяжелей, зимний жар...* («Да, я любила их, те сборища ночные...»).

Представленные запахи веществ характеризуются резкостью, это запахи бензина и дегтя. Употребляемые при них прилагательные подчеркивают раздражающий характер запаха, затрудненность дыхания: *Руки голы выше локтя, / А глаза синей, чем лед. / Едкий, душистый запах дегтя, / Как загар, тебе идет* (Рыбак).

Встречающиеся запахи предметов также характеризуются интенсивностью, что актуализируется с помощью глаголов, метафорически передающих воздействие запаха на человека: *Горло тесно ужасом сжато, / Нас в потемках принял челнок... / Крепкий запах морского каната / Задрожавшие ноздри обжег* (Побег).

В некоторых случаях представлена своеобразная галерея запахов, взаимодействующих друг с другом и заполняющих особое художественное пространство: *Припахивало табаком, / Мышами, сундуком открытым / И обступало ядовитым / Туманцем...* (Последнее возвращение).

Незначительно представлены запахи, связанные с богослужением. При этом характеристика запаха в таких контекстах обычно отсутствует: *А Смоленская нынче именинница, / Синий ладан над травой стелется, / И струится пенье панихидное, / Не печальное нынче, а светлое* («А Смоленская нынче именинница...»).

Воздух также наполнен запахами, активно воздействующими на человека, вызывающими определенные состояния: *На дне песок белее мела, / А воздух пьяный, как вино, / И сосен розовое тело / В закатный час обнажено* («Земля хотя и не родная...»).

При характеристике запаха ветра обычно используются лексемы «душистый» и «соленый». Кроме того, образ ветра часто мотивирует изменение запахов: *Алмазами казались солнца блики, / Волшебный ветерок перелетал / И то лесною веял земляничкой, / То соснами столетними дышал* (В пионерлагере).

Сложное прилагательное, характеризующее запах дыма, позволяет автору не только ввести вкусовую характеристику, но и приоткрыть новый план восприятия, ассоциативно связав данный образ с иным пространственным планом: *И*

первая – праздничный беспорядок / Вчерашнему лету назло, / И листья летят, словно клочья тетрадок, / И запах дымка так ладанно-сладок, / Все влажно, пестро и светло (Три осени).

Номинация запаха гари в самом начале стихотворения создает образ, определяющий дальнейшее информативное развертывание текста: *Пахнет гарью. Четыре недели / Торф сухой по болотам горит. / Даже птицы сегодня не пели, / И осина уже не дрожит* («Пахнет гарью. Четыре недели...»).

Интенсивностью запаха обычно характеризуется и туман: *Все кажутся сразу бледнее и старше, / Разграблен летний уют, / И труб золотых отдаленные марши / В пахучем тумане плывут...* (Три осени).

При этом запах тумана может приобретать символическое значение, связывающее его с образом времени, прошлого, забвения: *И Троя не пала, и жив Эбани, / И все потонуло в душистом тумане* («Так отлетают темные души...»).

С весной ассоциируется у автора запах земли, но в этом запахе слышны «отголоски» прошедшей осени: *В апреле запах прели и земли, / И первый поцелуй...* («О, горе мне! Они тебя сожгли...»).

В некоторых стихотворениях Ахматовой пространство лирического текста наполнено запахом тления, характеризующимся через вкусовые особенности и воздействие на человека: *Прижимаю к сердцу крестик гладкий: / Боже, мир душе моей верни! / Запах тленья обморочно сладкий / Вет от прохладной простыни* («Страх, во тьме перебирая вещи...»).

Часто подобный запах связан с определенным предметом или символическим образом и сопровождается яркой оценочностью: *Пересылкою в лагерь Свободный, / В трупный запах прогнивших нар, – / Показался мне город этот / Этой полночью голубой, / Он, воспетый первым поэтом, / Нами, грешными, – и тобой* (Немного географии).

Кроме того, это может быть запах болезни (лексема «чад» в этом случае отражает едкий, удушливый характер запаха, дурманящего сознание): *Ворвись отравленным снарядом / Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит, / Иль отрави тифозным чадом. / Иль сказочкой, придуманной тобой...* (К смерти).

Интересно отметить, что определенная деталь, связанная с запахом, может последовательно вызывать в воспоминаниях лирического героя

сначала зрительную картинку, а затем и звуковой образ (модель информативного развертывания текста можно представить как «запах – цвет – звук»): *И у камина греюсь. Что за чудо! / Сквозь эту плесень, этот чад и тлен / Сверкнули два живые изумруда. / И кот мяукнул. Ну, идем домой!* (Подвал памяти).

Достаточно последовательно представлен в лирике Ахматовой и образ духоты, который не связан непосредственно с определенным запахом, но в значительной степени определяет одоративную гамму художественного текста: *Ветер душный и суровый / С черных труб сметает гарь... / Ах! Своей столицей новой / Недоволен государь* («Вновь Исакий в облаченье...»).

Запахом может быть наполнено определенное время суток. Наиболее характерными являются запахи ночи, которая определяется с помощью вкусового эпитета «пряная» или сложного прилагательного, отражающего воздействие запаха на человека: *В их ночи душно-смоляной, / Повитой сладостною тайной, / Они надыхаются весной / Ее красы необычайной* («Цветы, холодные от рос...»).

В некоторых случаях такое воздействие актуализируется с помощью сопоставления: *И тебе, печально-благодарная, / Я за это расскажу потом, / Как меня томила ночь угарная, / Как дышало утро льдом* («Помолись о нищей, о потерянной...»).

Запах может быть ассоциативно связан с определенным географическим объектом. При этом лексема со значением запаха включается в развернутую многоаспектную характеристику данного топонима: *Но, верно, вспомню на лету, / Как запыхал Ташкент в цвету, / Весь белым пламенем объят, / Горяч, пахуч, замысловат, / Невероятен...* (Еще одно лирическое отступление).

Одоративная характеристика может быть ассоциативно связана с творчеством. Так, у «стихотворения» под влиянием предшествующей лексеммы может косвенно проявиться обонятельная характеристика: *Вместо праздничного поздравленья / Этот ветер, жесткий и сухой, / Принесет вам только запах тленья, / Привкус дыма и стихотворенья, / Что моей написаны рукой* («Вместо праздничного поздравленья...»).

Запах написанных страниц оказывается метонимически связанным с их содержанием: *Перо скрипит, и многие страницы / Семеновским припахивают плацем* (Северные элегии).

В воздухе лирический герой может уловить запах творчества и даже конкретного произведе-

ния: *Пятым действием драмы / Веет воздух осенний, / Каждая клумба в парке / Кажется свежей могилой* (Царскосельские строки).

Музыка также может быть ассоциативно связана с определенным запахом, а музыкальная гармония – отражаться через «благоухание» (таким может быть одно из возможных прочтений стихотворения): *Безмолвна песня, музыка нема, / Но воздух жжется их благоуханьем, / И на коленях белая зима / Следит за всем с молитвенным вниманьем* (В Выборге).

Значимость одоративной лексики для творчества Ахматовой подчеркивает и тот факт, что одно из своих стихотворений она строит на сопоставлении предметов и явлений с помощью запахов (и только для запаха крови автор не находит объекта сравнения, раскрывая причину этого в дальнейшем контексте): *Привольем пахнет дикий мед, / Пыль – солнечным лучом, / Фиалкою – девичий рот, / А золото – ничем. / Водой пахнет резеда / И яблоком – любовь, / Но мы узнали навсегда, / Что кровью пахнет только кровь...* («Привольем пахнет дикий мед...»).

Таким образом, проведенный анализ показал, что в лирике А. Ахматовой представлены следующие лексико-семантические группы одоративной лексики: запахи цветов, растений, человека, пищи, веществ, предметов быта, церкви, дыма, воздуха, земли, тления, времени суток, географического объекта, творчества. Наиболее типичной является передача запаха через вкусовую или осязательную характеристику. Существенно расширяется традиционный круг объектов, характеризующихся с точки зрения обоняния. Значимым при введении в текст данной группы лексики представляется ее взаимодействие со зрительным и звуковым планами текста. Кроме того, одоративная лексика часто становится точкой взаимодействия различных пространственно-временных планов. Все это позволяет говорить о достаточно важной роли лексики, передающей запахи, в лирике А. Ахматовой.